

Микко Мяки-Уллакко

ДРУГОЙ В ПОДПОЛЬЕ

Проблема Другого в повести Ф. М. Достоевского
«Записки из подполья» сквозь призму бахтинской и
сартrowsкой философии

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук

Бакалаврская работа

Апрель, 2023

АННОТАЦИЯ

Мыки-Уллакко, Микко : Другой в подполье: Проблема Другого в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» сквозь призму бахтинской и сартровской философии

Бакалаврская работа

Университет Тампере

Бакалаврская программа по языкам: русский язык

Апрель, 2023

В данной бакалаврской работе рассматривается проблема Другого в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» с опорой на философские теории и концепции русского теоретика литературы Михаила Бахтина и французского экзистенциального философа Жана-Поля Сартра. Цель работы состоит в том, чтобы исследовать, как процесс самостроительства рассказчика-героя повести, известного как подпольный человек, происходит через так называемый «взгляд» Другого.

Во введении исследуются тонкости и нюансы терминов «Другой», «субъект» и «объект». Кроме того, представлены автор Фёдор Михайлович Достоевский и философская значимость его произведений, а также повесть, выбранная для анализа.

В первой части теоретического раздела рассмотрено понятие «диалогизм» — теория Бахтина о диалогической природе самости, языка и бытия. Более того, здесь обсуждается «полифонизм» — гармония и множественность независимых голосов и мнений, — что, согласно Бахтину, является особенной характеристикой творчества Достоевского.

Во второй части теоретического раздела рассматривается точка зрения Сартра на проблему Другого, в частности, фокусируясь на трёх способах, в которых эта проблема проявляется. Одной из этих проблем является ключевое понятие для нашей работы — «взгляд».

Чтобы подготовить почву для нашего собственного анализа, мы рассмотрим концепцию Бахтина о «диалогизации» в повести, т. е. о том, как Другой присутствует в словах рассказчика-героя.

Наш анализ основан на внутренних мыслях героя и его встречах с другими людьми по ходу повести. Мы отмечаем, что отношения героя с Другим весьма проблематичны. Он не может «стать кем-либо», потому что ему не хватает определяющего взгляда Другого. Как коллежский ассессор, он используется в качестве инструмента, а его личная жизнь практически отсутствует из-за его изоляции. Другой не признаёт его инаковости, что оставляет его «незавершённым» персонажем. Он пытается определить своё «я» через подчинение и доминирование над другими людьми, но в конечном итоге терпит неудачу в этих поисках.

Ключевые слова: «я», самость, полифонизм, диалогизм, диалогизация, Другой, взгляд, субъект, объект, инаковость

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck.

SAMMANFATTNING

Mäki-Ullakko Mikko: Drugoj v podpol'je: Problema Drugogo v povesti F. M. Dostojevskogo "Zapiski iz podpol'ja" skvoz' prizmu bahtinskij i sartrovskij filosofii / Den andre i källarhållet: Problemet med den andre i F. M. Dostojevskijs "Anteckningar från källarhållet" enligt Bachtins och Sartres filosofi

Kandidatavhandling

Tammerfors universitet

Examensprogram inom språk, studieinriktning ryska

April, 2023

I denna kandidatavhandling behandlas problemet med den andre i Fjodor Dostojevskijs kortroman "Anteckningar från källarhållet" med utgångspunkt i filosofiska teorier och koncept från den ryske litteraturteoretikern Michail Bachtin och den franske existentiella filosofen Jean-Paul Sartre. Syftet med avhandlingen är att förklara hur romanens jagberättare "Källarmänniskan" konstruerar sitt jag genom den andres så kallade "blick".

I inledningen utforskas de filosofiska begreppen "andre", "subjekt" och "objekt". Den analyserade kortromanen, författaren Dostojevskij och den filosofiska betydelsen av hans verk presenteras också i korthet.

I den teoretiska delen i arbetet redogör jag för Bachtins begrepp "dialogism", som hänvisar till den dialogiska karaktären hos jaget, språket och existensen. Jag tar också upp begreppet "polyfoni" — harmoni och mångfald av oberoende röster och åsikter — som enligt Bachtin är ett särskilt drag i Dostojevskijs verk.

En stor del av den teoretiska delen ägnas också åt att undersöka Sartres syn på problemet med den andre, med tonvikt på de tre sätt som detta problem manifesterar sig på. En av dessa manifestationer, "blicken", fungerar som ett centralt begrepp i min forskning.

Min analys koncentrerar sig både på Källarmänniskans inre reflektioner och interaktioner med andra karaktärer under berättelsens gång. Det visar sig att förhållandet mellan huvudpersonen och den andre är synnerligen problematiskt. Huvudpersonen kan inte etablera en identitet — han kan inte "bli någon" — på grund av frånvaron av den definierande blicken från den andre. Till exempel utnyttjas huvudpersonen, en namnlös tjänsteman, som ett instrument. Hans annanhet uppmärksammas inte av den andre, vilket gör att han förblir en ofullständig karaktär. Ett försök görs av huvudpersonen att definiera sig själv genom underkastelse och dominans av andra karaktärer, men försöket misslyckas till slut.

Nyckelord: jag, polyfoni, dialogism, dialogisering, den andre, blick, subjekt, objekt, annanhet

Den här publikationens originalitet har kontrollerats med programmet Turnitin OriginalityCheck.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение.....	1
1.1. Тема и научная проблема	1
1.2. Понятие Другого, субъекта и объекта.....	2
1.3. Автор Фёдор Достоевский	3
1.4. Повесть, выбранная для анализа.....	4
2. Теория.....	6
2.1. Диалогизм Бахтина	6
2.2. Полифонизм романов Достоевского	8
2.3. Проблема Другого по Сартру.....	9
2.3.1. Другой как инструмент.....	10
2.3.2. Другой как разрушитель моей точки зрения	11
2.3.3. «Взгляд» Другого	11
3. Анализ	13
3.1. Диалогизация — как Другой присутствует в слове подпольного человека.....	13
3.2. Интерпретация проблемы Другого в повести с сартровской точки зрения	15
3.2.1. Как Другой определяет героя в первой части повести.....	15
3.2.2. Как проблема Другого проявляется во второй части повести.....	17
4. Заключение	24
Список источников	26
Исследовательский материал.....	26
Список литературы	26

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Тема и научная проблема

В данной работе мы будем рассматривать проблему Другого в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» сквозь призму двух влиятельных философов, Михаила Бахтина и Жана-Поля Сартра. Концепция диалогизма Бахтина и экзистенциалистская философия Сартра обеспечат основу для понимания самостроительства рассказчика; процесс, который происходит через так называемого «Другого», обозначающего присутствие разума, речи и взгляда других людей. Короче говоря, мы будем изучать, как можно перейти от понятия Другого к чувству “я” в построении персонажа. Наш анализ будет также сосредоточен на том, как Другой фактически препятствует формированию “я” главного героя. Исследуя этот процесс, мы показываем, что Другой является не просто объектом вне “я”, а сложной сущностью, являющейся частью “я”, которая всегда должна присутствовать в словах и действиях героя. В результате ощущение субъективности исчезает и заменяется объективизацией собственного “я”.

Таким образом, научная проблема, стоящая перед нами, связана с самоконструированием и другими разумами в контексте художественной литературы, с особым вниманием к роману. Как отмечает Уолл, роман как жанр — это “больше, чем диалог между автором и читателем: это обмен между диалогическими позициями внутри самого текста” (Wall 1984, 42). Здесь, однако, мы должны провести различие между монологическим и полифоническим романом. Первый характеризуется доминирующим дискурсом автора, т. е. рассказчик или персонажи говорят прямо словами автора, тогда как второй позволяет своим персонажам “осознавать себя” и “говорить за себя”, даже “выходить из-под контроля” (там же, 41, 48). В ходе данной работы мы отметим, что творчество Достоевского относится к последней категории; что его персонажи индивидуальны субъекты со своим собственным самоощущением. Поскольку предметом нашего исследования является рассказчик-герой «Записок...», мы будем исследовать, что делает его особенным как полифонического персонажа и каковы его отношения с другими персонажами: как они появляются для него и как они, кажется, определяют его.

Именно в связи с этим мы подчеркнём важность Другого. Как отмечали и Бахтин, и Сартр, субъекту нужен другой человек, чтобы определить себя, потому что без этого невозможно иметь “я”. Например, мы не видим себя в окружающей среде. Кроме того, другой человек является тем дифференцирующим фактором, который помогает нам отделить наше собственное “я” как нечто уникальное в бытии.

Систематический анализ нашей проблемы затруднителен, поэтому данную работу можно рассматривать скорее как философское исследование, которое может быть отражено в нашем собственном бытии и, таким образом, иметь практическую пользу. Наш подход будет заключаться в том, чтобы рассмотреть общую картину, а затем постепенно “увеличивать масштаб”, чтобы изучить детали нашей проблемы. Признавая, что литература не существует в вакууме, мы также будем думать о том, как она связана с идеями и проблемами в реальном мире. В конечном счёте наша цель — не только дать представление о рассматриваемой теме, но и способствовать философским размышлениям и самосознанию.

1.2. Понятие Другого, субъекта и объекта

Согласно «Философскому словарю» Конт-Спонвиля (2012, 168), термин «Другой» относится к “численно или качественно отличным” вещам, т. е. к любым объектам или лицам, которые отличаются друг от друга. Поэтому в приложении к человеку «Другой» — это тот, кто “не тот же, что я” и “не такой, как я” (там же, 168). Следовательно, определение термина варьируется в зависимости от наблюдателя. Проще говоря, каждый человек — это “я”, а каждый, кого он наблюдает — это Другой.

Впрочем, И. С. Дорогавцева обращает внимание на множество интерпретаций этого термина. По её словам, понятие «Другой» кажется неразрывно связанным с самостью и с понятием “я”, и поэтому некоторые определяют «Другой» как “другое Я”, “моё инобытие”, “второе Я” (Дорогавцева 2010, 7). Также интерпретации значения Другого для самости — следует ли его рассматривать как противоположность или как часть самости — является предметом дебатов (там же, 8). Этот вопрос наряду с проблемой существования других разумов будет обсуждаться в теоретическом разделе данной работы.

В данной работе также будут встречаться понятия «субъекта» и «объекта» и отношения между ними. В философии термин «субъект» часто используется для описания

способности человека думать и действовать в отношении чего-либо; это тот, кто “имеет право сказать про себя: «я»” (Конт-Спонвиль 2012, 598). «Объект», напротив, это то, что воспринимается или понимается субъектом, и он конструируется на основе восприятия или научного познания (там же, 368). Мы будем в основном использовать эти термины как синонимы для «наблюдателя» и «наблюдаемого», но также дадим им более подробное определение в различных контекстах.

Данная работа основана на понимании того, что каждый человек является независимым субъектом, т. е. центром своей собственной вселенной, вокруг которой происходят все события жизни. Более того, каждый человек живёт в среде, где есть другие такие же независимые личности. Таким образом, мир полон субъектов. Однако возникает проблема, связанная с тем, что эти другие субъекты предстают перед нами как объекты, которые в некотором смысле являются ограниченными существами в определённом месте и времени. Другая проблема заключается в том, как мы воспринимаем себя через других людей, т. е. как мы можем объективировать себя через взгляд Другого.

1.3. Автор Фёдор Достоевский

Родившись в семье врача, Фёдор Достоевский (1821–81) в свои двадцать лет оставил карьеру военного инженера, чтобы стать писателем. Уже с публикацией его нашумевшего первого романа «Бедные люди» (1846) его стали называть “новым Гоголем”, а некоторые считали его превосходным автором социальной критики (Moser 1992, 218–19). Достоевский, романист с “бескомпромиссным акцентом на человеческой психологии” (там же, 221), процветал с 1860-х годов до самой смерти, когда были опубликованы его великие романы, в том числе «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Популярными темами в русском обществе того времени были материализм и утопизм, но воззрения Достоевского приняли другое направление: для него центральным вопросом общества была вера в Бога (там же, 249), и это отражено в его великих романах.

В. И. Кулешов относит Достоевского к движению “критического или обличительного реализма”, в которое входили писатели середины-конца XIX века, чьей главной задачей было “обличение российской социальной действительности, пережитков крепостничества, складывающихся новых, буржуазных порядков” (1997, 267). Точнее, в

рамках этого критического реализма Достоевский представлял философско-религиозный и психологический реализм (там же, 9).

Творчество Достоевского вызвало значительный философский интерес. Чтобы подкрепить наше утверждение о том, что Достоевский по сути является философским писателем, мы можем взглянуть на мнения Б. М. Энгельгардта, приведённые в книге Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Герои Достоевского по своей природе связаны с идеями; их существо не коренится в какой-либо “объективной реальности” и не выражает “сильную культурную традицию” (Bakhtin 1984, 22). Поэтому для Достоевского, в отличие от других писателей, важна не биография персонажа, а, скорее, идея, которая им владеет (там же, 22). Как указывает Бахтин (там же, 25), эти идеи не могут существовать сами по себе, но всегда должны кому-то принадлежать. Даже христианская идеология для Достоевского персонифицирована во Христе и не может существовать без этой персонификации (там же, 31–32). По этой причине мы можем позиционировать Достоевского как писателя-экзистенциалиста. Он не интересуется универсальными истинами и рассматривает идеи как принадлежащие отдельному человеку, который затем представляет эти идеи в личном взаимодействии.

1.4. Повесть, выбранная для анализа

«Записки из подполья» была издана во время “страшного года” Достоевского — 1864 года, когда умерли и его брат, и первая жена, а его ежемесячный журнал «Эпоха» испытывал финансовые трудности (Moser 1992, 307). Достоевский написал «Записки...» в ответ на роман Николая Чернышевского «Что делать?», который продвигал идею о том, что человек по своей природе добр и способен использовать разум для создания совершенного общества (Frank 1961, 2). Достоевский, наоборот, считал, что человек “врожденно зол, иррационален, капризен и разрушителен”, и что только вера в Христа может помочь ему контролировать свои импульсы (там же, 2).

«Записки...», за которой двумя годами позже последовал роман «Преступление и наказание», ознаменовала начало эпохи великих романов Достоевского. Ричард Фриборн называет эту повесть “блестящей смесью публицистической риторики и комической гиперболы, исповеди и показательного анекдота”, которая “диагностировала дилемму выбора, стоящую перед человечеством на заре

предполагаемого научного века, и напала на высокомерные предположения нигилизма” (Moser 1992, 307).

Повесть написана в форме дневниковых записей с точки зрения рассказчика, известного как “подпольный человек”. Подпольный человек — это антигерой, который отказывается от социальных норм и условностей в пользу своего собственного субъективного опыта и сознания. По сути, он изолирован интеллектуально и физически; это состояние он называет “быть в подполье”.

2. ТЕОРИЯ

Чтобы лучше понять тему “я” и Другой, мы можем обратиться к философским взглядам М. М. Бахтина и Ж.-П. Сартра. Мы будем обсуждать бахтинское понятие диалогизма и то, как другой присутствует в языке через процесс диалогизации, а также его теорию полифонизма в творчестве Достоевского. Затем познакомимся с точкой зрения Сартра на проблему Другого и тремя способами, которыми Другой нарушает ощущение субъективности. Концепция диалогизма и полифонизма Бахтина и экзистенциалистская философия Сартра позволяют понять, что значит понимать себя и как субъект, и как объект. Кроме того, понятие Бахтина о полифонизме объяснит особенность именно персонажей Достоевского в целом.

Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975), русский философ и теоретик литературы, внёс значительный вклад в области литературоведения, антропологии, лингвистики, психологии и социальной теории (Holquist 2002, i). Жан-Поль Сартр (1905–80), французский писатель и самопровозглашенный экзистенциалист, был крупной философской фигурой 20-го века и, по словам Рейнольдса (Reynolds 2014, 51), “при жизни его читали больше, чем любого другого философа в истории философии”.

2.1. Диалогизм Бахтина

«Диалогизм» — это термин, часто используемый для обозначения идеи Бахтина о том, что язык по своей природе является диалогическим, или характеризуется диалогом и присутствием множества голосов. Однако, согласно Холквисту (Holquist 2002, 14), этот термин является довольно общей категоризацией мышления Бахтина и никогда не использовался им самим. В концепции диалогизма «инаковость» играет центральную роль в том, как мы используем язык и общаемся друг с другом. Фактически присутствие инаковости считается необходимым для сознания и самости; в диалогизме сознание определяется инаковостью (там же, 17).

В диалогизме самость “диалогична”, что означает, что она никогда не может быть самостоятельным субъектом, но, напротив, живёт в “отношениях одновременности” с Другим (Holquist 2002, 18). Это можно объяснить, если рассматривать переживание самости как “событие”: два человека переживают это событие одновременно из разных мест, и если они смотрят друг на друга, то в некотором смысле они выполняют видения

друг друга (там же, 20). Холквист формулирует это просто (там же, 20): “[...] ты можешь видеть за моей спиной то, что я не могу видеть, а я могу видеть за твоей спиной то, что не доступно твоему зрению”. Это означает, что именно Другой предоставляет материал для построения самости (там же, 27). Таким образом, самость, по сути, состоит из трёх элементов: “центра, не-центра и отношений между ними” (там же, 27–28).

Таким образом, диалогизм как форму философского исследования можно определить как необходимость “множественности в человеческом восприятии”, где основной целью является изучение воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта (Holquist 2002, 21). Воспринимающий и воспринимаемое существуют в своего рода дуалистических оппозициях: для воспринимающего время “навсегда открыто и незавершенно”, и он всегда находится в центре своего собственного пространства, тогда как воспринимаемый — или Другой — за которым наблюдает воспринимающий, является всего лишь вещью в мире, и “воспринимается как закрытое и полное” (там же, 21). Быть может, например, мы думаем о себе как о текущих проектах; мы на самом деле не живём в определённом времени, но вместо этого наше личное прошлое и потенциальное будущее, которые другой человек не может видеть, всегда присутствуют в нашем существе. Более того, мы на самом деле не находимся в пространстве, потому что не видим себя — наше лицо, тело и так далее — занимающими это пространство. Другой — это, наоборот, с точки зрения воспринимающего, видимый объект, контрастирующий с другими объектами в окружающей среде в точное время. Как отмечает Холквист (там же, 25), воспринимающий субъект видит не только другого как тело, “имеющее определённое место”, но и его “определённые физические характеристики” и “определённый характер”, и также его “конкретное социальное положение”. Другой, таким образом, воспринимается как “полное целое”.

Само бытие также рассматривается Бахтиным как событие (Holquist 2002, 23). С одной стороны, это солипсическое событие, поскольку все происходящее происходит только с уникальной точки зрения каждого человека, т. е. только в тех местах, которые мы, воспринимающие существа, занимаем во вселенной (там же, 23). С другой стороны, существование — это “единое” или “унифицированное” событие, потому что уникальные воспринимающие мира, как мы отмечали ранее, “никогда не являются полными сами по себе”, и поэтому нуждаются в том, чтобы восприятие Другого обеспечивало структуру и смысл (там же, 23).

Согласно Бахтину, мы постоянно находимся в диалоге не только с другими людьми, но и с самим миром. Он рассматривает диалог с бытием как подобие текста, и в этих рамках роман в особенности, как литературный жанр, представляет “бытие как условие авторства”. Авторы занимают уникальное положение, так как они “каким-то образом находятся как внутри, так и за пределами своей работы”. При создании своих повествований они, как “я”, конструируют отношения со своими героями, которые представляют Другого. (Holquist 2002, 28–29.)

Написание происходит с позиции, которую Бахтин называет “внеаходимость”. Холквист объясняет, что для того, чтобы человек или объект воспринимался как целое или законченное существо, он должен быть расположен в категориях времени и пространства Другого. Такое восприятие возможно только тогда, когда “человек или объект воспринимается с позиции внеаходимости”. (Holquist 2002, 29.)

2.2. Полифонизм романов Достоевского

Как отмечалось, когда речь идёт об отношениях “Я-Другой”, автор обладает своего рода властью, которая выходит за рамки повседневного существования. Автор может “манипулировать Другим не только как Другим, но и как самостью” (Holquist 2002, 32). Именно здесь мы отличаем великих писателей от менее значительных. Достоевский, например, обладает способностью создавать персонажей, которые могут, так сказать, существовать сами по себе, как отдельные субъекты, у которых есть “я”, тогда как многие другие писатели относятся к своим персонажам как к простым объектам, как к “лабораторным крысам”, лишенным какой-либо субъективности (там же, 32).

В этой связи творчество Достоевского уникально в фундаментальном смысле. Можно сказать, что его персонажи являются независимыми субъектами, созданными ими самими, а не просто объектами воображения автора (Bakhtin 1984, 5–7). Таким образом, они действуют не под пристальным вниманием автора, а в качестве независимых агентов. Подобная “множественность независимых голосов” означает полифонию (там же, 6). Полифонизм как литературный термин представляет собой “графическую аналогию”, метафору, которая связана с полифонией в музыке (там же, 22). Согласно Бахтину (там же, 9), Достоевский является “создателем полифонического романа”.

Однако, у нас остаётся вопрос о том, как собственный голос Достоевского вписывается в эту полифонию, ведь он явно использует своё творчество для того, чтобы выразить

собственные концепции и идеи. Бахтин считает (Bakhtin 1984, 5), что хотя собственный голос автора в произведениях Достоевского существует, он в некотором смысле утоплен под голосами персонажей. Как отмечалось, герои Достоевского часто убедительно выступают против него или даже “восстают” против его идей (там же, 6).

Наша интерпретация того, на что намекает Бахтин, состоит в том, что в этом полифонической форме автор переносит фундаментальное субъективное человеческое переживание мира в контекст искусства. Мир Достоевского и персонажи в нём “глубоко персонифицированы”, и они существуют как личности со своим собственным мыслительным процессом, который имеет свои логические границы в пределах их сознания (Bakhtin 1984, 9). Эти различные точки зрения, или “поля зрения”, объединяются в единство полифонического романа, что особенно заметно в диалоге, где каждое поле зрения получает возможность “доминировать в свою очередь” (там же, 16). Взаимодействие между различными сознаниями показано таким образом, что ни один из участников не становится полностью “объектом для другого”, что сохраняет “плюрализм одинаково авторитетных идеологических позиций” (там же, 18). Следовательно, можно утверждать, что Достоевский в своём творчестве посвятил себя оценке различных точек зрения, даже если его собственная идеологическая позиция была довольно твёрдой и определённой.

2.3. Проблема Другого по Сартру

Однако от Бахтина мы пойдём дальше, добавив некоторые мысли Жана-Поля Сартра, французского философа и писателя, который является ключевой фигурой в философии экзистенциализма. Наш анализ «Записок...» будет в основном опираться на концепцию Сартра о проблеме других людей и других разумов в качестве основы.

Мы можем утверждать, что одной из фундаментальных проблем существования человека как сознательного существа является тот факт, что мы не имеем доступа к разуму других людей. Мы просто не знаем, испытывают ли они сознание и мысли так же, как и мы. Поэтому невозможно полностью понять мысли, намерения и точки зрения других людей, а также то, почему они поступают и думают так, как поступают. На практическом уровне такое отсутствие понимания может привести к недопониманию, конфликтам и даже разрыву отношений. На философском уровне, однако, это осознание отсутствия доступа к другому человеку порождает экзистенциальный страх, поскольку

это означает, что мы можем быть уверены только в собственном существовании — как говорил Декарт, «я мыслю, следовательно, я существую», — но не в существовании других.

Другая проблема, которую создаёт такой солипсизм, заключается в том, что всё наблюдаемое — будь то неодушевлённый предмет или другой человек — в процессе наблюдения всегда подвергается проекции со стороны наблюдателя (Reynolds 2014, 89). То есть, вещи не существуют без какого-либо суждения со стороны наблюдателя. В связи с этим возникает следующая проблема: возможно ли подлинно признать другого человека как субъекта и видеть его “инаковость” (там же, 90)?

В целом, мы можем рассматривать концепцию Другого Сартра как способ доказать существование других, но также и как психофилософское средство для описания проблемы того, как индивиды соотносятся, сталкиваются и взаимодействуют с другими людьми. В своих произведениях, особенно в книге «Бытие и ничто» (1943), Сартр исследует понятие Другой, которое относится к присутствию других людей и к тому, как они влияют на наше чувство самости.

Сартр предлагает уникальную и глубокую точку зрения на то, как люди встречаются и относятся к другим людям в мире. На практике эта точка зрения охватывается теорией «взгляда», которая, по сути, является решением Сартра проблемы других умов (Reynolds 2014, 91). Короче говоря, центральным смыслом «взгляда» является осознание того, что я, субъект, являюсь объектом в глазах другого человека (там же, 94). Однако к этому мы вернёмся позже в данном разделе.

2.3.1. Другой как инструмент

Для нашего анализа крайне важно понять, как люди относятся друг к другу в рамках динамики “Я-Другой”. Фактически, Сартр определяет три способа отношения к другим. В первую очередь, люди используют других как инструменты для собственной выгоды, тем самым относясь к ним как к объектам и отказывая им в субъективной индивидуальности (Reynolds 2014, 92). Это, вероятно, самый очевидный и узнаваемый из сартровских способов отношения к Другим, поскольку мы можем привести множество примеров, где это было бы заметно. Очевидным примером может быть начальник, который относится к своим сотрудникам как к инструментам, используемым для получения финансовой выгоды, не заботясь об их благополучии или счастье. Другого также можно просто использовать как инструмент для удовлетворения наших

физических или эмоциональных желаний. Рейнольдс, однако, приводит более обычный пример: он пишет о том, как владелец магазина является для нас лишь средством для совершения сделок и не более того (там же, 92).

2.3.2. Другой как разрушитель моей точки зрения

Второй способ отношения к Другому связан с тем, как Другой меняет наше восприятие и наше отношение к окружающему миру. Если Другой смотрит на тот же объект, на который смотрю я, или просто присутствует в том же пространстве, что и я, моя собственная перспектива того, что я наблюдаю, будет “нарушена”, что означает, что моё наблюдение перестаёт быть чисто моим собственным. Беспорядок такого рода возникает потому, что я, центр, хочу, чтобы мир и вещи в нём были упорядочены в соответствии с моей собственной точкой зрения. Например, если мы смотрим на объект вместе с кем-то другим, его точка зрения и интерпретация объекта могут повлиять на наше собственное представление о нём. Аналогично, если мы осознаем, что Другой смотрит на нас, когда мы наблюдаем за объектом, его присутствие и взгляд могут изменить наше восприятие и переживание объекта. (Reynolds 2014, 92.)

2.3.3. «Взгляд» Другого

В-третьих, Другой может заставить нас испытать себя в качестве объектов через «взгляд» (Reynolds 2014, 94). Это значит, что Другой, так сказать, “судит” нас, или мы чувствуем “суждение” Другого через его взгляд, и таким образом мы являемся объектами в глазах другого человека (там же, 94). Проще говоря, любой вид стыда, который мы испытываем, даже в тривиальных ситуациях, является результатом взгляда и того отчуждающего эффекта, который он вызывает. В этом смысле мы неизбежно “сталкиваемся с сознанием других” (там же, 94). Мы можем внезапно ощутить себя с точки зрения Другого, и что-то в этой перспективе покажется нам очень неправильным.

Сартр утверждает, что суть взгляда заключается не в том, что наблюдатель наблюдает за мной, а в том, что меня — субъекта — “видят” (Sartre 1993, 259). Я вдруг осознаю, что существую в определённом времени и пространстве и что я “уязвим” (там же, 259). Другими словами, я осознаю, что существую как объект в мире Другого. Мы можем утверждать, что Сартр, подобно Бахтину, приходит к выводу, что для того, чтобы самость осознала себя как самость — другими словами, имела идентичность или эго — ей необходим взгляд Другого. Это сделает неполную самость полной. Как пишет Сартр,

“я вижу себя, потому что кто-то видит меня”, и “я имею свою основу вне себя” (там же, 260). Мы можем заключить, что хотя взгляд другого отчуждает нас и заставляет нас чувствовать себя объектами, оно также может заставить нас чувствовать себя субъектами; что существует “я”, на которое можно смотреть. По этому поводу Сартр пишет, что “для того, чтобы я был тем, что я есть, достаточно, чтобы Другой смотрел на меня” (там же, 262).

Взгляд вызывает в нас чувство стыда, потому что Другой определяет нас со стороны и, таким образом, судит нас “так, как мы не можем судить себя” (Reynolds 2014, 95). Например, человек, подглядывающий через замочную скважину, по сути, существует “без самости” до того, как его поймает или увидит другой человек, который может определить его как “странного или извращенного” (там же, 95).

Сартр утверждает, что эффект взгляда — это нечто, что мы бесконечно пытаемся контролировать (Reynolds 2014, 98). Это делается, в основном, через различные вариации садизма или мазохизма, что, по сути, означает, что мы пытаемся либо доминировать, либо подчиняться, то есть, мы потворствуем динамике “ведущий-ведомый” (там же, 99). Например, человек пытается “предотвратить появление” своего социального “я”, постоянно объективируя других (там же, 99). Это, а также взгляды Сартра на любовь, желание и ненависть, будут обсуждаться позже в нашем анализе «Записок из подполья».

3. АНАЛИЗ

«Записки из подполья» — это исповедальное повествование от первого лица. Рассказчик, 40-летний бывший коллежский асессор, изолировал себя от общества в своей квартире на окраине Санкт-Петербурга. Структура этого произведения необычна, поскольку оно разделено на две стилистически очень разные части. Первая часть повести представляет собой интенсивный философский монолог со словами, которые рассказчик направляет либо на читателя, либо на кого-то другого, находящегося за пределами текста. Во второй части рассказчик подробно описывает некоторые события из своей жизни двадцатью годами ранее, которые демонстрируют противоречия и сложности его мыслей и характера, а также то, как формировалось его мировоззрение.

Это произведение представлено как текст, который, так сказать, найден Достоевским, что означает, что мы должны рассматривать его не как автора, а скорее как редактора. Как отмечает сам Достоевский во введении к повести, что хотя автор текста вымышлен, люди, подобные ему, “не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе”, и что он “один из представителей еще доживающего поколения” (Достоевский 1960, 5). Автор записок, которого мы будем называть “подпольный человек” или просто “герой”, выступает в качестве самостоятельного субъекта в соответствии с полифоническим принципом Бахтина. В ходе нашего анализа выяснится, что подпольный человек — как отдельно стоящий субъект — постоянно подвергается воздействию сознания и взгляда Другого. Проблема, впрочем, заключается в том, что взгляд Другого определяет его лишь поверхностно, или, что ещё хуже, вообще не определяет его.

Однако перед этим, чтобы обеспечить содержательный фон и контекст для нашего анализа, мы сейчас обратимся к наблюдениям Бахтина о внутренней диалогизации в «Записках...».

3.1. Диалогизация — как Другой присутствует в слове подпольного человека

Под «диалогизацией» подразумевается то, что слова героя постоянно связаны с Другим с самого начала повести (Bakhtin 1984, 227–228). Согласно Бахтину, диалогизация речи героя в «Записках...» основана на так называемой “ожидаемой реакции” Другого (там же,

228). Это особенно заметно в тоне и стиле слов героя. Тон слов героя враждебный и негативный, как будто он таким образом убеждается, что ожидаемая реакция Другого не будет неправильной; герой, например, утверждает, что болен, но не хочет никакого сочувствия со стороны Другого (там же, 228). Чтобы предотвратить окончательное самоопределение и позволить Другому иметь последнее слово, герой создает двусмысленность с помощью так называемого “слова с лазейкой”; хотя кажется, что он раскаивается и осуждает себя, на самом деле он хочет лишь “вызвать похвалу и одобрение” у Другого (там же, 233).

Но поскольку подпольный человек вступает в своего рода риторические дебаты или внутреннюю полемику с Другим, ему также может понадобиться оставить за собой последнее слово. Это делается для того, чтобы выразить свою “независимость от взглядов и слов” Другого и “полное безразличие к мнению и оценке” Другого (Bakhtin 1984, 229). Но, несмотря на это, Бахтин утверждает, что на самом деле достигается обратное: герой показывает нам, что на самом деле он сильно зависит от Другого, не в состоянии определить себя без “страха” перед мнением Другого (там же, 229).

Присутствие Другого можно также видеть в стиле, в том смысле, что подпольный человек принимает “намеренно неэлегантную” манеру письма, хотя, согласно Бахтину, это направлено не только на Другого, но и на него самого, как бы назло самому себе (Bakhtin 1984, 231).

В анализе Бахтина интересно то, что он утверждает, что причина, по которой герой сознательно пытается унижить себя, сделать себя уродливым, заключается в том, чтобы освободиться от сознания Другого. Как пишет Бахтин (Bakhtin 1984, 232), подпольный человек пытается “убить в себе всякое желание казаться героем в глазах других (и своих собственных)”. Вот почему он принимает “цинично объективный” тон в своих речах: ему необходимо устранить любой “героизирующий” тон (там же, 232). Другими словами, такой героизирующий тон навсегда поставил бы его под объективирующий взгляд Другого. Это сделало бы его слишком полным. В некотором смысле герой не хочет знать себя полностью.

3.2. Интерпретация проблемы Другого в повести с сартровской точки зрения

В отличие от Бахтина, мы будем по большей части игнорировать внутреннюю полемику и постоянное ожидание реакции Другого и вместо этого сосредоточимся на взгляде Другого. Само собой разумеется, однако, что подпольный человек именно в своей внутренней полемике всегда кажется находящимся под взглядом Другого. Например, если его внутренний диалог выходит из-под контроля, или если он описывает идеи, которые могут показаться неправдоподобными или слишком безумными для предполагаемого читателя, он отказывается от этих слов и заявляет, что он “только шутит”. Поступая таким образом, он защищает себя так, как будто ожидает, что другой человек будет смотреть на него, как на сумасшедшего.

3.2.1. Как Другой определяет героя в первой части повести

Как упоминалось ранее в связи с интерпретацией Бахтина, стиль написания первой части повести несколько грубоват и саркастичен, как будто рассказчик предвидит реакцию Другого на его слова. На первых страницах он рассказывает о своей службе в качестве “злого чиновника” и о том, как он был груб с просителями. Об этом он пытается пошутить, но быстро понимает, что это не очень хорошая шутка:

Я прежде служил, а теперь не служу. Я был злой чиновник. Я был груб и находил в этом удовольствие. Ведь я взятки не брал, стало быть, должен же был себя хоть этим вознаградить. (Плохая острота; но я её не вычеркну. Я её написал, думая, что выйдет очень остро; а теперь, как увидел сам, что хотел только гнусно пофорсить, – нарочно не вычеркну!) (Достоевский, Записки из подполья 1960, 6)

Здесь он вдруг видит себя с точки зрения другого человека. Неудачно пошутил, что, в свою очередь, не заставляет его выглядеть таким умным, каким он хочет казаться, и поэтому он пытается сохранить лицо. По сути, он говорит другому: “Мне не стыдно показаться тебе плохим, разве это не смело и не героично?” Мы также сразу же узнаем, насколько ненадёжным рассказчиком является подпольный человек. Это постоянное колебание между искренностью и обманом затрудняет понимание его мыслей в том числе, что трудно определить, каковы его истинные намерения. Мы вернёмся к этой теме позже, когда внимательнее рассмотрим его взаимодействие с другими персонажами.

Как можно понять из слов героя, он имел нездоровые отношения с просителями, что связано с понятием Сартра о восприятии Другого как инструмента. Можно утверждать, что просители не признавали уникальную инаковость подпольного человека. Вместо этого к нему относились как к инструменту государственной бюрократии, что привело к потере чувства самости. Когда его инаковость отрицается, он лишается какой-либо способности стать чем-то большим, чем просто объект без личности в глазах других. Чтобы проиллюстрировать этот пункт, рассмотрим следующие цитаты:

Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своём углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьёзно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 7)

[...]

О, если б я ничего не делал только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть лень я в состоянии иметь в себе; хоть одно свойство было бы во мне как будто и положительное, в котором я бы и сам был уверен. Вопрос: кто такой? Ответ: лентяй; да ведь это преприятно было бы слышать о себе. Значит, положительно определён, значит, есть что сказать обо мне. «Лентяй!» – да ведь это званье и назначение, это карьера-с. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 23)

Как мы видим, неспособность героя стать кем-либо проистекает не только из отрицания его инаковости, но и из его собственного самовосприятия. Он считает себя “умным человеком”, полагая, что только “дураки” могут стать кем угодно, поскольку они позволяют другим определять себя. По сути, он желает, чтобы его определяли другие, даже если это означает, что его заклеймят как ленивого, но его интеллект не позволяет ему этого сделать. Это создаёт парадокс, когда он одновременно желает и сопротивляется идее быть определённым другими.

Герой проводит чёткое различие между собой и так называемыми “непосредственными людьми и деятелями”, которых он описывает как “тупых” и “ограниченных”. Эти люди довольны жизнью без того, что герой считает “усиленным сознанием”, которое он рассматривает как своего рода болезнь. Герой считает “непосредственных людей и деятелей” настоящими нормальными людьми, созданными матерью-природой. Это люди, которые не обременены излишним самоанализом и просто действуют в соответствии со своей природой. Герой завидует этим людям за их способность жить моментом и выходить из конфликтов без длительных душевных терзаний. “Непосредственные люди и деятели” могут быть определены как люди, которые, в

хайдеггеринском смысле, ‘попали’ в анонимность обычной жизни; люди, которые просто ‘делают то, что делают’ и которые, возможно, вообще не знают своих аутентичных “я”, потому что они так сильно определены взглядом Другого. Такие люди могут гордиться порой банальными сторонами своей личности, что показано в следующей цитате:

Я знал господина, который всю жизнь гордился тем, что знал толк в лафите. Он считал это за положительное свое достоинство и никогда не сомневался в себе. Он умер не то что с покойной, а с торжествующей совестью, и был совершенно прав. А я бы себе тогда выбрал карьеру: а был бы лентяй и обжора, но не простой, а, например, сочувствующий всему прекрасному и высокому. Как вам это нравится? Мне это давно мерещилось. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 24)

Джозеф С. Каталано (Catalano 2010, 75–76) отмечает, что приведённый выше отрывок иллюстрирует сартровскую мысль о “плохой вере”, которая подразумевает, что люди избегают свободы и ответственности, которые приходят с самоанализом, и вместо этого полагаются исключительно на заранее определённые роли или аспекты своей личности. Герой как бы намекает, что подобный самообман приводит к спокойствию и удовлетворенности, которые иначе невозможны. Для того чтобы полностью реализоваться как персонаж, герой должен выбрать этот единственный аспект, за который его будут знать другие — так же, как и господин, которого знают как знатока лафита.

3.2.2. Как проблема Другого проявляется во второй части повести

Наиболее интересной для нашего анализа является вторая часть повести. В ней рассказчик вспоминает события, произошедшие, когда ему было двадцать четыре года; это было время, когда он уже был мысленно изолирован от окружающих — жил, так сказать, в подполье — даже работая в канцелярии. Он уже смирился со своим одиноким существованием, избегая общения с кем-либо и не имея друзей. Рассказчик повторяет свое желание казаться умным, хотя его внешний облик говорит об обратном. Кроме того, здесь есть интересный комментарий о непосредственных людях и деятелях и их недостатке самосознания как объекта взгляда.

У одного из наших канцелярских было отвратительное и прерябое лицо, и даже как будто разбойничье. Я бы, кажется, и взглянуть ни на кого не посмел с таким неприличным лицом. У другого вицмундир был до того заношенный, что близ него уже дурно пахло. А между тем ни один из этих господ не конфузился — ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни как-нибудь там

нравственно. Ни тот, ни другой не воображали, что смотрят на них с омерзением; да если б и воображали, так им было бы всё равно, только бы не начальство взирать изволило. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 50–51)

Это даёт также представление о социальной динамике российского общества того времени. Эти два канцелярских или господина, упомянутые рассказчиком, не имеют никакого самосознания относительно своей неприятной внешности или характера. Это показывает, что эти “нормальные люди” просто отказываются или не способны чувствовать стыд от объективирующего взгляда, если только он не исходит от начальства. В отличие от этого, самосознание героя граничит с крайностью:

Я, например, ненавидел своё лицо, находил, что оно гнусно, и даже подозревал, что в нём есть какое-то подлое выражение, и потому каждый раз, являясь в должность, мучительно старался держать себя как можно независимее, чтоб не заподозрили меня в подлости, а лицом выражать как можно более благородства. «Пусть уж будет и некрасивое лицо, — думал я, — но зато пусть будет оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное». Но я наверно и страдальчески знал, что всех этих совершенств мне никогда моим лицом не выразить. Но что всего ужаснее, я находил его положительно глупым. А я бы вполне помирился на уме. Даже так, что согласился бы даже и на подлое выражение, с тем только, чтоб лицо моё находили в то же время ужасно умным. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 51)

[...]

Всех наших канцелярских я, разумеется, ненавидел, с первого до последнего, и всех презирал, а вместе с тем как будто их и боялся. Случалось, что я вдруг даже ставил их выше себя. У меня как-то это вдруг тогда делалось: то презираю, то ставлю выше себя. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 51–52)

Эти отрывки затрагивают идею о том, что люди не способны видеть своё собственное лицо таким, каким его видят другие. Герой осознает тот факт, что его полнота приходит извне, что заставляет его стремиться к тому, чтобы его лицо выглядело как можно более интеллигентным. Как уже упоминалось, в глазах героя его интеллект — это то, что отличает его от окружающих, но это качество не отражается в его внешности. Это является препятствием для полноты его характера и для его желаемой личности. Поскольку он не может самостоятельно определять и воспринимать себя, ему необходимо смотреть вовне, и сравнивать себя со своими коллегами, презирая их, чтобы почувствовать своё превосходство.

Однако отношение героя к другим может меняться от чувства превосходства до противоположного чувства — неполноценности. С одной стороны, он презирает их за то, что они подобны баранам в стаде, в то время как он считает себя единственным интеллигентным человеком. С другой стороны, он боится отличаться от них и слишком сильно отклоняться от нормы; он обожает “рутину во всем, что касалось наружного”, с удовольствием вдаётся “в общую колею” и пугается “в себе всякой эксцентричности”. На самом деле, герой считает, что “всякий порядочный человек” должен быть “трус и раб”, так как это “закон природы”. Это подразумевает, что в динамике ведущий-ведомый порядочный человек должен быть объективирован ради социального порядка. Следовательно, смелому человеку придётся вернуться в общую колею жизни и отказаться от своего права на определение собственного “я”.

Когда экзистенциальный страх героя достигает пика, он погружается в обыденность и получает от этого удовольствие. Он становится таким, как все: вступает в разговор и даже пытается подружиться с людьми. Однако герой также уходит в уединение, ища утешения в книгах и на фантазии. Но эти периоды изоляции в конечном итоге приводят к тому, что он впадает в нигилистическую депрессию и отчаяние, которые, в свою очередь, толкают его к пороку:

Развратничал я уединённо, по ночам, потаённо, боязливо, грязно, со стыдом, не оставлявшим меня в самые омерзительные минуты и даже доходившим в такие минуты до проклятия. Я уж и тогда носил в душе моей подполье. Боялся я ужасно, чтоб меня как-нибудь не увидали, не встретили, не узнали. Ходил же я по разным весьма тёмным местам. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 57)

Герой испытывает сильный стыд и страх быть клейменным в глазах окружающих. Его ненависть к себе приводит к тому, что он пытается заниматься мазохистским самоповреждением. Это возвращает нас к понятию Сартра о мазохизме как способе избавления от стыда при взгляде. По его мнению, мазохизм подразумевает желание быть “униженным объектом” в глазах Другого (Reynolds 2014, 102). Это, как правило, происходит после того, как не удаётся стать желанным объектом (там же, 102). Другими словами, самость стремится к определению себя как чего-то ценного для Другого, будь то в роли хозяина или раба, предотвращая чувства стыда и смущения от взгляда.

В одном трактиришке герой пытается заставить некоего офицера избить его. Офицер, однако, полностью игнорирует его:

Оказалось, что я и в окно-то прыгнуть не способен, и я ушел не подравшись. Осадил меня там с первого же шагу один офицер. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 57)

[...]

Я бы даже побои простил, но никак не мог простить того, что он меня переставил и так окончательно не заметил. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 58)

Здесь чувство отчуждения героя, так сказать, достигает высшей точки. Офицер, о котором идёт речь, фактически не позволяет ему быть даже униженным, тем самым полностью отрицая его инаковость. В ответ на это герой обращается к ненависти и мести, чтобы доказать, что они равны. Это связано с понятием Сартра о ненависти к Другому. Согласно Сартру, ненависть в конечном итоге является безуспешным способом подавить того Другого, которого мы ненавидим (Reynolds 2014, 108). Фактически, Рейнольдс отмечает, что “чем больше мы их ненавидим, тем больше мы признаём и наделяем их значимостью в нашей жизни” (там же, 108).

У героя и офицера очень односторонние отношения, поскольку офицер даже не знает о существовании героя. Герой начинает следить за офицером и изучать его распорядок дня. Затем он придумывает тщательно продуманный план мести: намеренно “состукнуться” с офицером на Невском.

Вдруг, в трёх шагах от врага моего, я неожиданно решился, зажмурил глаза и — мы плотно стукнулись плечо о плечо! Я не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге! Он даже и не оглянулся и сделал вид, что не заметил; но он только вид сделал, я уверен в этом. Я до сих пор в этом уверен! Разумеется, мне досталось больше; он был сильнее, но не в том было дело. Дело было в том, что я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 65)

Герой жаждет быть принятым обществом. Он хочет, чтобы его считали кем-то важным, равным офицерам и другим высокопоставленным лицам. Отомстив офицеру, он, в своём собственном сознании, достигает полноты самости. Столкновение с офицером представляет для него отношения между центром и не-центром. Тем не менее, эта потребность в признании — это цикл, который повторяется. Герой снова уходит в себя, мечтает и фантазирует в изоляции, а затем ищет подтверждения от других, чтобы определить свою самооценку. Таким образом, отношения героя с Другим являются в корне ошибочными. Он рассматривает Другого лишь как средство достижения цели, как

инструмент для определения себя. Более того, он *сам* не признаёт субъективность Другого и отделяет себя от других, полагая, что его интеллект делает его уникальным.

Чувство превосходства героя наиболее ярко проявляется во время уединенных мечтаний. Фактически, он чувствует, что у него есть два варианта: “Либо герой, либо грязь, середины не было”. Однако потребность героя в признании может быть связана не только с его чувством превосходства. На самом деле, как мы уже видели, самым главным приоритетом для него, похоже, является признание его равным. Это видно из его визита к старому школьному знакомому Симонову, которого он не видел уже год. В квартире Симонова он также встречает двух других школьных товарищей.

На приход мой ни один из них не обратил почти никакого внимания, что было даже странно, потому что я не видался с ними уж годы. Очевидно, меня считали чем-то вроде самой обыкновенной мухи. Так не третировали меня даже в школе, хотя все меня там ненавидели. Я, конечно, понимал, что они должны были презирать меня теперь за неуспех моей служебной карьеры и за то, что я уж очень опустился, ходил в дурном платье и проч. — что в их глазах составляло вывеску моей неспособности и мелкого значения. Но я всё-таки не ожидал до такой степени презрения. (Достоевский, Записки из подполья 1960, 71)

Однако, несмотря на безразличие и даже презрение к нему со стороны его старых одноклассников, герой приглашает сам себя на прощальный ужин, который Симонов и эти двое других планировали для другого школьного товарища, Зверкова. Зверков, по сути, является настоящим непосредственным деятелем: успешный человек, который наслаждается праздной болтовней о своих многочисленных романтических связях и влиятельных друзьях и знакомых. Как отмечает Бернارد Дж. Пэрис (Paris 2008, 21), Зверков олицетворяет “скучных, крепко нервных мужчин, с которыми [герой] постоянно сравнивает себя”.

Будучи поверхностным человеком, Зверков процветает за счёт внимания и восхищения, которые он получает от других. Кажется, что он охотно покоряется взгляду Другого, чтобы сохранить это “я”, которое другие, очевидно, создали для него. Другими словами, то, что делает Зверкова таким персонажем, каким он является, это объективирующий взгляд Другого — завершенность, которой не хватает подпольному человеку.

Однако в определённых ситуациях Зверков также может пытаться доминировать над Другим. Например, как и офицер, упомянутый ранее, он не может принять, что подпольный человек, который пытается спровоцировать конфликт во время прощального ужина, мог его как-то обидеть:

– Я прошу вашей дружбы, Зверков, я вас обидел, но...

– Обидели? В-вы! Ми-ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и ни при каких обстоятельствах не можете *меня обидеть!* (Достоевский, Записки из подполья 1960, 94)

В сцене ужина проявляется неспособность героя стать кем-либо, как он писал в первой части. Ему не удаётся никого обидеть, и даже его попытка вызвать одного из них на дуэль проваливается. Так как герой не способен даже стать их врагом, его остаётся неопределённым и постоянно открытым. Как отмечает Пэрис (Paris 2008, 22), это резко контрастирует с его фантазиями, в которых он представляет себя настоящим героем — “святым, завоевателем и любителем рода человеческого”. Напротив, если смотреть на него взглядом школьных товарищей, он как муха на стене — наблюдатель, но не участник, — а может быть, и того меньше.

Герой пытается доминировать над Другим в этой ситуации, но в конечном итоге терпит неудачу и падает в почти комическое отчаяние. Когда Зверков и остальные уходят из ресторана в бордель, герой следует за ними, надеясь в последний раз утвердить своё превосходство. Однако по прибытии он обнаруживает, что их там нет, и в итоге знакомится с одной из проституток — Лизой.

Несмотря на то, что она проститутка, Лиза является единственным персонажем, в котором герой видит подлинную субъективность. Как отмечает Пэрис (Paris 2008, 23), герой осознает, что Лиза — это действительно “другой центр сознания”, другое существо, с которым он может по-настоящему соединиться. Следовательно, он не стремится доминировать над ней, а наоборот, стремится ‘спасти’ её. Чтобы предупредить Лизу о том, какой будет её жизнь, если она продолжит работать проституткой, он придумывает историю о другой проститутке, которая пережила постепенный упадок, приведший к ранней и несчастной смерти. Затем герой представляет идеальное видение семейной жизни, на которое, вероятно, повлияли его фантазии.

Подпольный человек, у которого есть врожденное чувство превосходства, пытается конструировать себя как желанный объект для Лизы; что-то, что можно любить. В сартровском смысле любовь является желанием стать “самым любимым и привилегированным объектом в глазах другого человека” (Reynolds 2014, 100). Общая идея заключается в том, что тот, кто хочет быть любимым, подчиняется взгляду другого, как заветный объект. Однако если Другой полностью поглощён своей любовью к нам, он сам становится объектом, а не субъектом, заставляя нас быть субъектом, а не

любимым объектом (там же, 101). Таким образом, подпольному человеку суждено навсегда остаться наблюдателем, или субъектом, и никогда не обрести полноту характера под взглядом Другого. Он полностью осознает этот факт и понимает, что по сути является обманщиком. Когда он даёт Лизе свой адрес с намерением, чтобы она пришла к нему, он втайне желает, чтобы она не пришла, понимая, что это тщетное стремление, обречённое на провал.

Кроме того, подпольный человек знает, что он не такой “герой”, каким хочет себя представить. Он боится, что если Лиза увидит его квартиру, она воспримет его как незаметную фигуру, как и все остальные:

Скверно уж одно то, что она увидит, например, как я живу. Вчера я таким перед ней показался... героем... а теперь, гм! Это, впрочем, скверно, что я так опустился. Просто нищета в квартире. И я решился вчера ехать в таком платье обедать! А клеёнчатый диван-то мой, из которого мочалка торчит! А халат-то мой, которым нельзя закрыться! Какие ключья... И она это всё увидит; и Аполлона увидит. Эта скотина, наверно, её оскорбит. Он придерётся к ней, чтоб мне сделать грубость. А я уж, разумеется, по обычаю, струшу, семенить перед ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не в этом главная-то скверность! Тут есть что-то главнее, гаже, подлее! да, подлее! И опять, опять надевать эту бесчестную лживую маску!..» (Достоевский, Записки из подполья 1960, 125–26)

И когда Лиза, наконец, прибывает, страхи героя сбываются, как своего рода самоисполняющееся пророчество. Он объективирует себя как неудачника с точки зрения Лизы, в конечном счёте, отказываясь от чувства превосходства, которое он испытывал во всех других встречах. Поскольку Лиза — единственный человек, который, с его точки зрения, обладает подлинной субъективностью, её взгляд открывает ему его истинное “я”. Поэтому он направляет свой гнев на неё и предлагает ей деньги, чтобы она покинула его квартиру, тем самым унижая её и объективируя её как проститутку в своём собственном взгляде.

В итоге можно сказать, что на этом этапе он действительно является полным персонажем. Тем не менее, его дневниковые записки продолжают и дальше только для того, чтобы быть остановленными редактором, Достоевским. Так что его поиски завершения, кажется, никогда не закончатся.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы исследовали проблему Другого в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья», используя философские идеи М. М. Бахтина и Ж.-П. Сартра. Нашей целью было исследовать, как главный герой повести, известный как подпольный человек, конструирует себя через присутствие так называемого «взгляда» Другого. Для нашего анализа мы предположили, что герой функционирует по бахтинскому полифоническому принципу, что означает, что он действует независимо от автора.

Мы обсуждали сложность философских дефиниций термина «Другой», а также то, что подразумевается под понятиями «субъект» и «объект». Мы пришли к выводу, что Другой может не быть противоположностью “я”, а скорее рассматриваться как часть “я”.

Для того чтобы получить всестороннее знание и глубокое понимание проблемы Другого как в реальной жизни, так и в литературе, мы отдельно рассмотрели концепцию диалогизма Бахтина и понятие Другого у Сартра. Кроме того, мы обсуждали отношения Я-Другой между автором и его персонажами, а также то, как персонаж в полифоническом романе может выступать в качестве самостоятельного субъекта.

Чтобы обеспечить соответствующий контекст для нашего собственного анализа, мы обсуждали понятие диалогизации Бахтина в «Записках...», т. е. то, как монолог героя своим тоном и использованием “слов с лазейкой” создаёт двусмысленность и оставляет место для ответа Другого.

В ходе нашего анализа мы обнаружили, что трудности героя во время его работы в качестве коллежского асессора были вызваны тем, что другие объективировали его как инструмент. Мы также узнали, что его самовосприятие как умного человека отличает его от других, но, несмотря на это, он завидует им, потому что чувствует, что они могут стать кем-то, в то время как он не может. Его предполагаемый интеллект не позволяет ему принять такое самоопределение, которое большинство людей приняли бы без раздумий. По этой причине единственным путем к довольству для героя будет самообман.

Как показывает наш анализ второй части повести, подпольный человек, похоже, занимается таким самообманом. Он проводит большую часть своего времени в одиночестве и изоляции, фантазируя о достижении власти и восхищения. Однако, когда он ‘просыпается’ от своих мечтаний, он понимает, что единственный способ определить

свою ценность — это подчиниться Другому, особенно вышестоящему Другому, такому как офицер.

Однако подпольному человеку не удаётся подчиниться вышестоящему Другому, потому что Другой, кажется, вообще не замечает его существования; этот факт заставляет его прибегать к ненависти и мести, чтобы достичь мнимого чувства равенства с Другим. Его отношения с Другим в корне ошибочны, так как он рассматривает Другого исключительно как средство для определения себя, сам не признавая субъективности Другого. В конце концов, когда он встречается кого-то, чью субъективность он признаёт, взгляд этого человека заставляет его осознать истинную глубину своих собственных недостатков.

Как отмечает Фрэнк (Frank 1961, 1), каждое значительное культурное развитие начала двадцатого века, будь то ницшеанство, фрейдизм, экспрессионизм или экзистенциализм, так или иначе претендовало на подпольного человека; либо как “пророческое предвидение”, либо как “отталкивающее предупреждение”. Это очень хорошо иллюстрирует сложность интерпретации персонажа. Он всегда, в некотором смысле, незавершённый персонаж: он избегает чётких решений, и его мысли и поступки почти постоянно находятся в конфликте друг с другом. У него также нет имени и мутное личное прошлое. Поэтому мы не можем дать однозначных ответов о его характере.

Хотя Другой всегда присутствует в словах подпольного человека, его личный характер остаётся неполным в отсутствие взгляда Другого, который бы полностью определил его. Его целью, похоже, является изоляция, удаление себя из мира, потому что он не хочет брать на себя ответственность за участие в жизни других людей. Он хочет быть наблюдателем, а не участником.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Исследовательский материал

Достоевский, Ф. М. 1960. *Записки из подполья*. Letchworth, Hertfordshire: Bradda Books Ltd.

Список литературы

Дорогавцева, И. С. 2010. *Проблема Другого в тексте художественной литературы*. Чита: ЗабГГПУ

Конт-Спонвиль, А. 2012. *Философский словарь*. М.: Этерна

Кулешов, В. И. 1997. *История русской литературы XIX века*. Издательство МГУ.

Bakhtin, Mikhail. 1984. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Catalano, Joseph S. 2010. *Reading Sartre*. Cambridge: Cambridge University Press.

Holquist, Michael. 2001. *Dialogism: Bakhtin and His World*. London: Routledge.

Frank, Joseph. 1961. "Nihilism and Notes from Underground." *The Sewanee Review* 69 (1): 1–33.

Moser, Charles A., ed. 1992. *The Cambridge History of Russian Literature*. Rev. ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Paris, Bernard J. 2008. *Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from Underground," Crime and Punishment, and The Brothers Karamazov*. New York: Palgrave Macmillan.

Reynolds, Jack. 2014. *Understanding Existentialism*. London: Routledge.

Sartre, Jean-Paul. 1993. *Being and Nothingness*. New York: Washington Square Press.

Wall, Anthony. 1984. "Characters in Bakhtin's Theory." *Studies in 20th Literature* 9 (1): 41–56. <https://doi.org/10.4148/2334-4415.1151>.